

ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ БЛИЗОСТИ И АКТУАЛЬНАЯ КЛАСТЕРНАЯ ПОЛИТИКА

Р. Г. Пожидаев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 мая 2019 г.

Аннотация: рассматривается современный этап эволюции теоретических представлений о роли близости в создании положительных эффектов кластеризации, актуальные принципы кластерной политики и характеристики конкурентоспособности кластеров. Преимущества географической близости и экономическая роль кластеров хорошо изучены и определены. Однако сегодня географическая близость рассматривается как недостаточное условие для достижения положительных эффектов кластеризации, как следствие динамики делового окружения, сокращения жизненного цикла товаров и услуг, роста объема знаний и компетенций, все чаще недоступных на локальном уровне. Развиваются новые, непространственные формы измерения близости. Формулируются новые принципы кластерной политики и характеристики конкурентоспособности кластеров, представленные в данной статье на основе современного опыта ЕС. Акцент сделан на инновационных кластерах и территориальном развитии. Подчеркнута роль предпринимательских фирм как двигателей конкурентной эволюции кластеров, значение растущего числа межрегиональных и международных связей участников кластеров, а также новых форм кросс-кластерного сотрудничества.

Ключевые слова: географическая близость, непространственная близость, инновационный кластер, кластерная политика, конкурентоспособность кластера.

Abstract: is considered the modern stage of evolution of theoretical notions about the role of proximity in development positive effects of clustering, current principles of cluster policy and cluster competitiveness characteristics. The advantages of geographical proximity and the economic role of clusters are well studied and defined. Today, however, geographical proximity is considered as an insufficient condition for achieving positive clustering effects, as a consequence of dynamics of the business environment, shortening the life cycle of goods and services, growth in the volume of knowledge and competencies that are more often not available locally. New, non-spatial forms of measuring proximity are being developed. New principles of cluster policy and characteristics of cluster competitiveness are formulated, which are presented in this article based on the current EU experience. The focus is on innovation clusters and territorial development. The role of entrepreneurial firms as accelerators for the competitive evolution of clusters, importance of growing number of interregional and international relations of cluster members, as well as new forms of cross-cluster cooperation were underlined.

Key words: geographical proximity, non-spatial proximity, innovation cluster, cluster policy, cluster competitiveness.

Традиционной характеристикой экономических кластеров является пространственная концентрация или географическая близость. Классические определения Майкла Портера («кластеры являются локальными производственными системами, где компании и институты определенной отрасли создают инновационную систему деловых и некоммерческих отношений в условиях ограниченного географического района» [1, с. 79]) и Стюарта Розенфельда (кластер представляет собой «географически ограниченную концентрацию аналогичных, связанных или взаимодополняющих предприятий»

[2, с. 4]) исходят из географической близости как основной характеристики данного вида пространственной организации экономики.

Несмотря на достаточно длительное изучение, анализ географической близости и сегодня является популярной областью исследований в рамках институционального и эволюционного подходов. Концепция близости основана на рассмотрении производственной и социальной динамики с учетом отношений, выходящих за рамки рыночных сил и включающих в себя различные типы взаимодействий между всеми субъектами.

В 1990-х гг. казалось, что глобализация бизнеса уменьшит значение географической локализации в

пользу переноса производства в места с более дешевыми ресурсами, однако на практике развитие аутсорсинга (производства, услуг, функций) и постоянно растущие сети поставщиков и дистрибуторов привели к увеличению числа региональных кластеров.

Географическая близость (*geographical proximity*) в общем виде определяется как короткое географическое расстояние¹. В данном случае под географической близостью понимают стремление одних субъектов (экономических, социальных) к географической близости с другими экономическими и социальными субъектами, природными и искусственно созданными ресурсами, техническими и инфраструктурными объектами.

Географическая близость по сути нейтральна. Тот факт, что две фирмы, представляющие одну и ту же или смежные отрасли, расположены в непосредственной близости друг от друга, может или может не быть источником их взаимодействия. В случае взаимодействия мы говорим о мобилизации возможностей географической близости, которая может иметь как положительное, так и негативное измерение. Положительное – в случае обмена информацией и знаниями, наличия взаимовыгодных договоренностей, реализации совместных проектов. Негативное – как следствие попыток переманить лучших сотрудников друг у друга, промышленного шпионажа и нарушения прав интеллектуальной собственности.

Исследования конца XX – начала XXI в. позволили определить экономическую роль и преимущества географической близости [см., например: 3–6]. В частности, географическая концентрация:

- является важным критерием выбора мест размещения производственных подразделений;
- уменьшает неопределенность и решает проблему координации, облегчает взаимное обучение и, таким образом, оказывает положительное влияние на экономические показатели как компаний, входящих в кластер, так и региона, где он располагается;
- часто является ключевым фактором распространения и использования знаний, особенно в контексте инноваций и исследовательской деятельности.

Кроме того, концентрация компаний в кластере приводит к притоку квалифицированных кадров из других регионов и смежных отраслей.

Кластеры привлекательны для поставщиков, так как обеспечивают большой спрос на поставля-

емую продукцию, при, как правило, меньших транзакционных издержках (с другой стороны, кластеры обладают большей рыночной властью и могут использовать ее в свою пользу).

Сотрудничество компаний в кластере часто выражается в продвижении и защите определенных стандартов выпускаемой продукции, реализации совместных проектов, использовании общих услуг.

Наконец, наличие и использование информации, знаний, технологий и инфраструктуры в кластерах выше по сравнению с географически разрозненными предприятиями.

В качестве основного конкурентного преимущества кластеров также часто отмечают рост числа инноваций как результат формирования пула ресурсов для исследований и разработок, формального и неформального общения сотрудников компаний.

Однако сегодня географическая близость рассматривается как необходимое, но недостаточное условие для достижения вышеперечисленных положительных эффектов кластеризации. Основные причины этого – динамика делового окружения, сокращение жизненного цикла товаров и услуг, растущая конкуренция. Как следствие, компаниям требуются все более разнообразные знания и компетенции, которые все чаще не доступны на локальном уровне. Эмпирические исследования подтверждают данную тенденцию.

Показателен пример исследований биотехнологических кластеров в Швеции и Фландрии. Биотехнологические фирмы имеют склонность к кластеризации в силу необходимости интенсивных инноваций и огромных инвестиций, необходимых для вывода новых лекарств на рынок, а также потребности в сотрудничестве с университетами, больницами и другими исследовательскими организациями.

Анализ кластера из восьми биотехнологических фирм в Швеции, проведенный Мудиссоном и Йонсонном, показал, что хотя большинство фирм считали обязательным для себя сотрудничество с другими субъектами кластера, оно тем не менее не могло удовлетворить постоянно растущие требования доступа к специализированным знаниям. Это вынуждало биотехнологические фирмы искать партнеров на глобальной арене, несмотря на высокие транзакционные издержки и прочие препятствия [7].

Исследование Херрманн и соавторов было проведено на основе базы данных, предоставленной фламандским государственным агентством по инновациям в науке и технике. Эта база данных включала в себя информацию о всех исследованиях и разработках государственных и частных орга-

¹ Хотя само по себе короткое географическое расстояние считается лишь относительным признаком близости как следствие зависимости от морфологических характеристик пространства, наличия транспортной инфраструктуры и подобных факторов.

низаций Фландрии, спонсируемых правительством в течение пяти лет. Регрессионный анализ в сочетании с качественной оценкой данных показал, что географическая близость не влияла на интенсивность сотрудничества в области исследований и разработок [8].

Изучение кластеров, представляющих другие (особенно высокотехнологичные) отрасли, дало похожие результаты. Например, в случае технологического кластера Тутлингена (Германия), специализирующегося на производстве хирургических инструментов, переход от преобладания межфирменных взаимодействий внутри кластера к глобальной конфигурации партнерских отношений стал (по мнению самих участников кластера) основой жизнеспособности и наращивания объема производства медицинской техники [9].

Расширение межрегиональных и международных связей участников кластеров повлияло на разделение географической близости (в современной специализированной литературе) на два подтипа: постоянную и временную.

Постоянная географическая близость (*permanent geographical proximity*) означает стремление к определенному местоположению (как правило, характеризующегося наличием инфраструктуры, ресурсов, социальной среды, поставщиков и/или потребителей, возможностью сокращения транспортных расходов и т. п.), удовлетворяющему долгосрочным целям субъекта.

Временная географическая близость (*temporary geographical proximity*) не подразумевает необходимость постоянного присутствия в локальной географической точке, при этом без ущерба для целей и деятельности субъекта (например, реализации совместного проекта, консалтинга и т. п.) [10]. Временная географическая близость получила признание в последние десятилетия – как целесообразный вариант чередования удаленной работы с временными личными контактами, что позволяет сократить расходы без ущерба для обмена знаниями и реализации общих исследований и разработок.

Кроме того, появился термин «временные кластеры» (*temporary clusters*), который сегодня стали распространять не только на проектные команды и сообщества практик, но даже на профильные выставки и конференции [11].

С другой стороны, все большее распространение получает подход, заменяющий географическую близость другими типами. Представители французской школы динамики близости [см., например: 12–15] и Рон Бошма [16] предложили новые формы

измерения близости: когнитивную, организационную, институциональную и социальную.

Когнитивная близость основана на важности общей базы знаний, компетенций и опыта у компаний, входящих в кластер, которая необходима для обмена и понимания информации, а также позволяет облегчить и ускорить передачу знаний². Слишком слабая когнитивная близость ведет к неправильному пониманию, а слишком большая может вызвать проблему блокировки (отсутствия открытости и гибкости) и приводит к тому, что организационные рутины препятствуют разработке новых технологий и продуктов.

Организационная близость предполагает существование единого пространства (внутри и вне организаций) между людьми, имеющими общие интересы и знания. Организационная близость обеспечивается координационными механизмами, содействующими обмену и распространению информации и знаний. Организационная близость считается наиболее значимой для взаимодействия с удаленными (в том числе зарубежными) партнерами – схожие организационные контексты и способность координировать обмен разнородными взаимодополняющими знаниями увеличивают вероятность эффективной совместной работы и обмена знаниями.

Институциональная близость связана с формированием формальных и неформальных источников доверия. В концепции институциональной близости кластеры рассматриваются в качестве институциональной структуры макроуровня. Отношения и взаимодействия между компаниями и организациями внутри и вне кластера регулируются сводом законов и правил (формальная институциональная основа) и общими бизнес-практиками, рутинами и договоренностями (неформальная институциональная основа)³. Институциональная

² Можно заметить, что географическая близость считается необходимым условием передачи неявных знаний и их трансформации в явные. Информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) существенно упрощают общение и передачу информации, однако не обеспечивают полноценную передачу неявных знаний. Сторонники данной концепции исходят из того, что современные ИКТ позволяют обеспечить возможности общения и наблюдения, не отличающиеся от физического.

³ Не ставя под сомнение наличие институциональной основы существования кластеров, необходимо отметить, что часто она непосредственно связана с географической близостью, прежде всего в сельском хозяйстве и агропромышленном комплексе. Многочисленные продукты «установленного географического происхождения» по сути являются институциональным ограничением возможности производства и определения наименования продукта какой-либо географически ограниченной областью.

близость, по мнению ряда авторов, за счет создания и укрепления норм поведения и взаимодействия в кластере стимулирует открытые инновации и передачу знаний [см., например: 17–19].

Социальная близость основана на очевидной включенности компаний и организаций, входящих в кластер, в социальный контекст на микроуровне. Экономические отношения между участниками кластера встроены в локальные социальные отношения. Как и для сетевых отношений в целом, основным понятием здесь является межличностное доверие. Социальная близость уменьшает неопределенность, положительно влияет на деятельность и деловые отношения внутри и вне кластера.

Институциональная, организационная и социальная близость взаимосвязаны, поскольку формальные и неформальные институты находят свое отражение или даже воплощаются в организационных рутинных и социальных нормах на микроуровне.

Так как все четыре типа основаны на непространственной близости, различные авторы обычно объединяют их в один тип. Чаще всего в современной литературе встречаются понятия организованной близости (*organized proximity*) [12; 20] или относительной близости (*relational proximity*) [21–23], определяемые как способность организовать взаимодействие членов организации (в данном случае – кластера) без географической близости. Оба понятия основаны на логике принадлежности (субъекты принадлежат к одной системе отношений (экономических и/или социальных), схожи по организационной культуре, технологическим процессам и прочим характеристикам) и логике сходства (субъекты разделяют общие культурные ценности и социальные нормы, взаимодействуют посредством формальных и неформальных отношений, развивающихся на основе общих интересов и знаний).

Непространственная близость также признается нейтральной, так как логика принадлежности не является гарантией взаимодействия объектов, а логика сходства не обязательно дает какой-либо экономический эффект.

На основании рекомендаций организаций, занимающихся поддержкой развития кластеров и изучения специализированной литературы, можно выделить следующие общие параметры для измерения географической и непространственной близости.

Географическая близость:

– наличие и число партнерских отношений в регионе, стране (клиенты, поставщики, отраслевые компании, включая малые и средние предпри-

ятия, университеты, исследовательские и научные центры, правительственные агентства, конкуренты и т. д.);

– наличие и использование преимуществ, формируемых на «входе» (квалифицированная рабочая сила, финансовые ресурсы, образовательные и исследовательские институты, технологии, бизнес-услуги и т. д.);

– объем продуктов и услуг, произведенных для других местных отраслей.

Когнитивная близость:

– участие представителей компаний, входящих в кластер, в одних и тех же программах и тренингах, наличие одинаковой образовательной базы и/или рабочих навыков и опыт сотрудников;

– непрерывность и интенсивность деятельности в области исследований и разработок и сотрудничества;

– участие в деловых ассоциациях, форумах, организациях, конференциях и т. п.

Организационная близость:

– объем и интенсивность деловых отношений внутри и вне кластера, включая совместные проекты, консорциум, тендеры и т. п.;

– объем и интенсивность неформальных отношений внутри и вне кластера, их влияние на работу и развитие компаний, входящих в кластер.

Институциональная близость – эффект и важность для компаний, входящих в кластер:

– законов, правил, соглашений;

– культурных норм и обычаев;

– договоренностей (неформальных), касающихся деятельности участников кластера;

– влияния общего уровня экономического развития и предпринимательской деятельности в регионе.

Социальная близость:

– роль и оценка социального контекста;

– эффекты отношений в семье, с друзьями и другими людьми и их роль в достижении желаемой рыночной позиции, достижении желаемого рыночного спроса, обладании и передаче информации и знаний.

Понятие непространственной близости все чаще увязывается с проблемой поиска знаний и необходимостью выстраивания гибких цепочек создания стоимости. Потребность в знаниях и новых партнерах приводит к расширению круга возможных участников кластеров – включая не только компании, но и университеты, научные центры и правительственные (государственного и регионального уровня) учреждения, не обязатель-

но находящиеся в географической близости от кластера.

Поиск источников знаний и новых партнеров не только может быть инициативой участников кластера, но и происходить при определенном давлении инвесторов (особенно если речь идет о прямых иностранных инвестициях) или при поддержке программ развития.

Показателен пример развития новых IT-кластеров в Европейском союзе (далее – ЕС), в формировании которых важную роль сыграли как иностранные инвесторы, так и программы ЕС, например, инициатива i2010 (European Information Society 2010). В частности, IT-кластер в Корке (Ирландия) изначально формировался по инициативе местных компаний, но на основе финансовых ресурсов, предоставленных крупными иностранными IT-компаниями, правительством Ирландии и через субсидии ЕС. Национальное и региональное правительство также обеспечили необходимую инфраструктуру и меры по стимулированию инвестиций в НИОКР. Поддержку оказывало Национальное агентство промышленного развития, Университетский колледж Корка и Технологический институт Корка. В результате был организован инновационный парк – Национальный центр программного обеспечения, а сам кластер считается примером удачного комбинирования географической и непространственной близости⁴.

Согласно мнению большинства авторов, идеальным вариантом является сочетание географической и организованной (относительной) близости – в этом случае на географическую концентрацию (и, таким образом, доступ к ресурсам, партнерам и рынкам) накладывается эффект функциональных отношений (отношений между людьми, имеющими общую идентичность и когнитивную близость), что приводит к развитию различных форм сотрудничества, обмену и распространению знаний [см., например: 6; 21; 24]. Возникающие синергетические эффекты распространяются внутри системы отношений в кластере и за его пределами и приводят к динамичному росту, который приносит пользу не только компаниям – участникам кластера, но и смежным отраслям, населению (через рост доходов и занятости) и прочим заинтересованным сторонам.

Однако на практике сложно различить временную географическую близость и непространственную близость – это признают и сами исследователи.

⁴ CCC 2005: Strategic Cork. Guide to the city's investment opportunities, quality of life, plans for the future. Cork City Council, Cork, Ireland.

Некоторые авторы рассматривают работу над совместными проектами и технологическое сотрудничество как последовательность этапов комбинирования временной географической и организованной близости [24; 25].

Важно отметить, что теоретические рассуждения о смещении акцента на непространственную (организованную, относительную) близость являются отражением как современной практики деятельности кластеров, так и новых принципов кластерной политики. В рамках рассматриваемого в данной статье вопроса нас интересуют два ключевых аспекта кластерной политики, связанных с ростом межрегиональных и международных связей субъектов кластеров, – изменения в деятельности инновационных кластеров и управлении территориальным развитием.

С конца 1970-х гг., когда были осуществлены первые масштабные научные исследования кластеров, считалось общепризнанным, что географическая близость между партнерами является ключевым фактором сотрудничества в области исследований и разработок. Этому способствуют положительные эффекты географической концентрации, отмеченные выше. Географическая близость облегчает частые встречи, развитие доверия, передачу неявных знаний. Специализация компаний на отдельных этапах цепочки создания ценности приводит к увеличению гибкости и адаптивности кластера в целом. Расположение в региональном кластере увеличивает интенсивность взаимодействия между партнерами и в конечном счете скорость разработки и внедрения инноваций. Наконец, кластеры в состоянии генерировать эффекты производительного роста в своей области через межотраслевые отношения или через распространение инноваций или технологических потоков.

Географическая концентрация инновационной деятельности, особенно инновационные кластеры, и сегодня является постоянно развивающейся областью анализа, причем акценты исследований смещаются – от изучения причин возникновения кластеров, преимуществ, которые фирмы извлекают из нахождения в кластере, каналов распространения знаний и инноваций, к проблемам инновационных кластеров. Действительно ли инновационные фирмы выигрывают от географической близости? Почему участники кластера иногда предпочитают развивать отношения с удаленными партнерами, если фирмы/институты с нужными знаниями и опытом доступны на локальном уровне? Какие угрозы для интеллектуальной собствен-

ности, деятельности по исследованиям и разработкам и реализации инноваций создает тесное взаимодействие с другими участниками кластера?

Стало общим понимание инновационных кластеров как открытых систем, участники которых активно вступают в коммерческие отношения и технологический обмен с удаленными фирмами и прочими субъектами отношений. Развиваются различные формы партнерств, технологического сотрудничества и межфирменных альянсов.

Для компаний становится все более важной сеть передачи знаний, возможность компенсировать недостаток местных ресурсов, а также избежать угроз доступа к интеллектуальной собственности, что приводит к развитию внешних связей и ставит вопрос о полезности и обоснованности географической близости.

Развитие внешних связей кластеров влияет на территориальное развитие региона в целом, в том числе на территориальные инновационные процессы⁵. Это приводит к расширению концепции территориального развития, включая вопросы регионального планирования, а также процессов территориального управления, которые помогают объединить различные категории субъектов, удовлетворить интересы социальных и профессиональных групп и являются основой развития территорий.

Инновационные кластеры можно рассматривать как систему, состоящую из двух взаимодействующих подсистем:

– использования знаний (компании, входящие в кластер, их клиенты, поставщики, партнеры и конкуренты);

– создания и распространения знаний (различные организации, прежде всего университеты и исследовательские и научные центры).

Таким образом, инновационные показатели региональной системы инновации в значительной степени зависят от двух факторов: эффективной институциональной подсистемы, которая производит и распространяет знания и компетенции, а также интенсивных интерактивных отношений внутри и между этой подсистемой и подсистемой фирм.

Современная концепция территориального развития не может быть ограничена только производственным измерением, которое долгое время считалось основным источником развития для государств и регионов. Производственное измере-

ние остается необходимым, однако усложнение территориальных инновационных процессов смещает акцент, с точки зрения создания и размера добавленной стоимости, на способность компаний и научно-технических центров гибко и быстро осуществлять исследования и разработки через параллельный инжиниринг и создание сетей знаний и наращивать интеллектуальный капитал и интеллектуальную собственность. Конечно, это возможно при наличии необходимых ресурсов, прежде всего – квалифицированных кадров и научно-технической инфраструктуры, что определяет прогресс производственного, технологического, социального, институционального и прочих изменений территориального развития.

В качестве примера кластерной политики, основанной на комплексных научных исследованиях, охватывающих различные аспекты как территориального планирования и управления, так и развития региональных кластеров, целесообразно рассмотреть европейский опыт. Это оправдано и тем, что в России институциональные основы и поддержка развития кластеров, а также взаимосвязанные инициативы (например, создание технологических платформ) строятся прежде всего на опыте ЕС.

Не ставя под сомнение значение региональных кластеров в обеспечении социально-экономической стабильности, устойчивого развития и реализации инновационного потенциала, страны ЕС столкнулись с проблемами большого и все возрастающего числа кластеров. Многие из них исторически сложились и существуют в странах Западной Европы, другие – и также многочисленные – стали появляться в странах Центральной и Восточной Европы после их вступления в ЕС. Причем новые кластеры имеют весьма разнообразные структурные характеристики. Как следствие, возросла конкуренция на региональном, отраслевом, национальном и глобальном уровне, а также усилилось соперничество в борьбе за доступ к программам ЕС по стимулированию региональной экономики и субсидированию деятельности кластеров. Стала насущной необходимость определения общеевропейской стратегии, учитывающей все современные тенденции, требования и проблемы развития кластеров. С этой целью в 2010-х гг. были реализованы несколько крупных проектов, самими значительными являлись CluStrat и ClusterPoliSEE, по результатам которых был сформирован новый стратегический подход, включающий три основных направления:

- избирательная кластерная политика;
- перспективная кластерная политика;

⁵ Под территориальными инновациями в общем смысле понимают реализацию новых проектов, структур, инициатив, мероприятий, направленных на развитие территорий.

– управление кластерами на основе предпринимательского подхода.

Кластерная политика должна быть избирательной, т. е. поддерживать не все существующие кластеры, но направлена на поддержку и развитие производственных систем, обладающих характеристиками конкурентоспособного кластера. При этом исследователи принимают во внимание растущую конкуренцию со стороны стран БРИКС и других стран с развивающейся экономикой, таких как Южная Корея и Мексика. В ходе реализации проектов были уточнены характеристики конкурентоспособности кластеров на современном этапе и выделены пять основных:

- существование сети взаимовыгодных локальных деловых отношений;
- наличие предпринимательских фирм, способных осуществлять поиск, идентификацию и использование новых возможностей для бизнеса;
- наличие институциональных субъектов, способных создать благоприятный контекст для развития межфирменных отношений;
- наличие отношений с исследовательскими и инновационными центрами;
- способность действовать как открытый локальный или «глокальный» кластер.

Последняя характеристика является новой и предполагает включенность кластера в глобальный конкурентный ландшафт. Термин «глокальный» (*glocal*) был введен в академический оборот недавно и еще не получил широкого распространения. «Глокальный» подразумевает, что локальные (региональные или субрегиональные) концентрации организаций и межфирменные отношения (локальные сети) все в большей степени становятся взаимосвязаны с внешними партнерами и включены в глобальные сети отношений [22].

Второй важный аспект избирательности – кластерная политика должна быть специфичной для отдельных кластеров, т. е. предоставлять разную поддержку и инструменты кластерам, учитывая их особенности с точки зрения модели, специализации, размера, наличия и ролей ключевых компаний и других участников.

Перспективная кластерная политика определяет и использует возможности для межкластерного сотрудничества между регионами, имеющими разные сильные стороны и компетенции, поддерживая интернационализацию и транснациональное сотрудничество фирм, представляющих различные кластеры.

Кросс-кластерное сотрудничество является плодотворным способом обретения новых рыноч-

ных возможностей. Европейские кластеры, представляющие смежные взаимодополняющие отрасли, должны быть взаимосвязаны для активизации обмена навыками и услугами, повышения глобальной конкурентоспособности.

Межкластерное и межрегиональное сотрудничество важно и с точки зрения реализации цепочек создания стоимости. Как правило, если речь идет о промышленных и инновационных кластерах, цепочка создания стоимости не реализуется полностью в рамках кластера или региона. Сотрудничество между кластерами предоставляет возможности не только реализации цепочки создания стоимости, но и расширения бизнеса для региональных кластеров. Более того, комбинирование специализации, сильных сторон, знаний и компетенций, продуктов и услуг кластеров из разных регионов и стран создает потенциал для разработки и реализации новых цепочек создания стоимости.

Совместная реализация цепочек создания стоимости приводит к формированию мета-кластеров. Мета-кластер определяется как «трансрегиональная сеть кластерных инициатив, которая сфокусирована на одной или взаимодополняющих технологических областях или отраслях» [26]. Считается, что о мета-кластере можно говорить при сотрудничестве как минимум трех региональных кластеров, объединяющих разработку идей и проектов, продуктов и услуг на основе использования компетенций участников для удовлетворения потребностей рынка.

Акцент на конкурентоспособности и включенности в межрегиональный или даже интернациональный уровень, присутствующий и в избирательной, и в перспективной кластерной политике, определяет и третье направление – управление кластерами на основе предпринимательского подхода. Предпринимательский подход подразумевает проявление кластерных инициатив преимущественно снизу, т. е. компаниями и институтами, идентифицирующими возможности для создания и реализации востребованных (и не только на региональном рынке) продуктов и услуг, производство которых эффективнее осуществлять совместно, на основе общей инфраструктуры, объединения компетенций и знаний.

Предпринимательские фирмы являются двигателями конкурентной эволюции кластеров благодаря отношениям, которые они устанавливают с другими организациями, входящими в кластер или существующими вне его, а также их роли в создании и распространении знаний. Предпринимательские

фирмы часто являются инициаторами межрегионального и транснационального сотрудничества – как следствие потребности в развитии необходимых компетенций, поиска новых рынков и рыночных ниш, партнеров по исследованиям и разработкам, формирования новых цепочек создания стоимости.

Таким образом, современный подход к развитию кластерных инициатив включает три уровня:

1) региональная кластеризация, где субрегиональные кластеры развивают сотрудничество, как правило, в рамках одной отрасли;

2) межрегиональное сотрудничество, где региональные кластеры совместно реализуют цепочки создания стоимости на основе взаимного дополнения компетенций и знаний и формируют мета-кластеры, охватывающие смежные отрасли;

3) макрорегиональный и интернациональный уровни – транснациональное кросс-кластерное сотрудничество, включающее мета-кластеры и глобальные кластеры, в которых, как правило, участвуют ключевые игроки региональных кластеров.

Включение в межрегиональные транснациональных кластеров, с одной стороны, обеспечивается признанием сильных сторон, компетенций и конкурентоспособности региональных кластеров (или их ключевых игроков), а с другой – непосредственно влияет на повышение конкурентоспособности региональных кластеров.

Востребованность на межрегиональном и международном уровне сегодня является критерием жизнеспособности и перспектив существования кластеров, что ставит новые задачи теоретических и прикладных исследований, предъявляет новые требования к государственной (региональной)

политике, направленной на развитие региональных кластеров и поддержку кластерных инициатив.

Понимание, адаптация и реализация новой кластерной политики является весьма важной для России.

На государственном уровне избирательный подход, поддержка кросс-кластерного сотрудничества, прежде всего через расширение возможностей реализации цепочек создания стоимости и вовлечение в них малых и средних предприятий, поддержка обмена знаниями и центров трансферта технологий являются важнейшими инструментами активизации взаимодействия и эффективной работы субъектов национальной инновационной системы – государственных корпораций, бизнеса, научных организаций и вузов.

На региональном уровне роль кластеров в устойчивом социально-экономическом и инновационном развитии до сих пор часто недооценена. Кластеры воспринимаются как локальные и отраслевые образования, связи между бизнесом, научными центрами и вузами, как правило, не имеют институциональной основы и системно не поддерживаются. Вместе с тем реализация элементов современной кластерной политики есть действенный способ привлечения инвестиций, расширения бизнеса, привлечения и/или удержания квалифицированных кадров, развития межрегионального и международного сотрудничества.

Преодоление устоявшихся представлений о сущности кластерной политики и деятельности кластеров является важным шагом для осуществления задач по модернизации экономики и инновационному развитию России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Porter M. E. Clusters and the new economics of competition / M. Porter // Harvard Business Review. – 1998. – Vol. 76 (6). – P. 77–90.
2. Rosenfeld S. Bringing business clusters into the mainstream of economic development / S. Rosenfeld // European Planning Studies. – 1997. – Vol. 5 (1). – P. 3–23.
3. Biggiero L. Does geographical proximity enhance knowledge exchange? The case of the aerospace industrial cluster of Centre Italy / L. Biggiero, A. Sammarra // International journal of technology transfer and commercialization. – 2010. – Vol. 9 (4) – P. 283–305.
4. Breschi S. Clusters, networks, and innovation : Research results and new directions / S. Breschi, F. Malerba // Clusters, Networks & Innovation. Oxford University Press Inc. – New York. – 2005. – P. 1–28.

5. Markusen A. Sticky places in slippery space : A typology of industrial districts / A. Markusen // Economic Geography. – 1996. – Vol. 72 (3). – P. 293–313.
6. Morrison A. Gatekeepers of knowledge within industrial districts : Who they are, how they interact / A. Morrison // Regional Studies. – 2008. – Vol. 42 (6). – P. 817–835.
7. Moodysson J. Knowledge collaboration and proximity : the spatial organization of biotech innovation projects / J. Moodysson, O. Jonsson // European Urban and Regional Studies. – 2007. – Vol. 14 (2). – P. 115–131.
8. Herrmann A. M. Beyond Regional Clusters : On the Importance of Geographical Proximity for R&D Collaborations in a Global Economy – the Case of the Flemish Biotech Sector / A. M. Herrmann, J. L. Taks, E. Moors // Industry and Innovation. – 2012. – Vol. 19 (6) – P. 499–516.

9. Halder G. Local upgrading strategies in response to global challenges : The surgical instrument cluster of Tuttlingen / G. Halder // In Schmitz H. (ed.). Local Enterprises in the Global Economy : Issues of Governance and Upgrading. – Cheltenham : Edward Elgar. – 2004. – P. 200–232.
10. Torre A. On the Role Played by Temporary Geographical Proximity in Knowledge Transmission / A. Torre // Regional Studies. – 2008. – Vol. 42 (2). – P. 869–889.
11. Bathelt H. Between luminaries and meat grinders : international trade fairs as temporary clusters / H. Bathelt, N. Schuldt // Regional Studies. – 2008. – Vol. 42 (6). – P. 853–868.
12. Cooke P. Regional innovation systems : institutional and organisational dimensions / P. Cooke, G. Uranga, G. Etzebarria // Research Policy. – 1997. – Vol. 26 (4–5). – P. 475–491.
13. Gallaud D. Geographical Proximity and Circulation of Knowledge through Inter-firm Cooperation / D. Gallaud, A. Torre // Regional Studies. – 2005. – Vol. 39 (2). – P. 21–35.
14. Grossetti M. Where do social relations come from? A study of personal networks in the Toulouse area of France / M. Grossetti // Social Networks. – 2005. – No. 27. – P. 289–300.
15. Torre A. Proximity and localization / A. Torre, A. Rallet // Regional Studies. – 2005. – Vol. 39 (1). – P. 47–60.
16. Boschma R. Proximity and Innovation : A Critical Assessment / R. Boschma // Regional Studies. – 2005. – Vol. 39 (1). – P. 61–74.
17. Arend R. J. Defending against rival innovation / R. J. Arend // Small Business Economics. – 2009. – No. 33. – P. 189–206.
18. Cooke P. Regional knowledge capabilities and open innovation : Regional innovation systems and clusters in the asymmetric knowledge economy / P. Cooke // Clusters, Networks & Innovation. Oxford University Press Inc. – New York. – 2005. – P. 80–112.
19. Nooteboom B. Innovation, learning and cluster dynamics / B. Nooteboom // In Cooke P., Martin R. (eds.). Clusters and Regional Development. Critical reflections and explorations. Regional Studies Association. Routledge. – New York. – 2006. – P. 137–163.
20. Lagendijk A. Proximity, Knowledge and Innovation in Peripheral Regions. On the Intersection between Geographical and Organizational Proximity / A. Lagendijk, A. Lorentzen // European Planning Studies. – 2007. – No. 4. – P. 457–466.
21. Carrincazeaux C. Clusters, proximities and networks / C. Carrincazeaux, M. Grossetti, D. Talbot // Special Issue of European Planning Studies. – 2008. – Vol. 16 (5). – P. 613–621.
22. De Marchi V. Industrial districts and the collapse of the Marshallian model : Looking at the Italian experience / V. De Marchi, R. Grandinetti // Competition & Change. – 2014. – Vol. 18 (1). – P. 70–87.
23. Lorentzen A. Knowledge networks in local and global space / A. Lorentzen // Entrepreneurship & Regional Development. – 2008. – No. 20. – P. 533–545.
24. Torre A. Proximity relations at the heart of territorial development processes / A. Torre // In Torre A., Wallet F. (eds.). Regional development and proximity relations. New Horizons in regional Science. – Edward Elgar. – London. – 2014. – 375 p.
25. Ramírez-Pasillas M. International trade fairs as amplifiers of permanent and temporary proximities in clusters / M. Ramírez-Pasillas // Entrepreneurship and Regional Development. – 2010. – Vol. 22 (2). – P. 155–187.
26. Welck H. Concept of Meta-Cluster in the Alpine Space / H. Welck. – URL: http://www.alpine-space.org/2007-2013/uploads/tx_txrunningprojects/Alps4EU_Meta-Cluster_concept.pdf

Воронежский государственный университет
Пожидает Р. Г., кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики труда и основ управления
E-mail: ruslan_pozhidaev@mail.ru

Voronezh State University
Pozhidaev R. G., Candidate of Economic Science,
Associate Professor of the Labor Economy and General Management Department
E-mail: ruslan_pozhidaev@mail.ru